

УДК 261.6

Библейские образы в сказках С.Г. Козлова о Ёжике и Медвежонке

С. А Федин (<https://orcid.org/0009-0000-6560-3732>),
А. А. Федин, священник (<https://orcid.org/0000-0002-9509-7698>),
иеромонах Феодосий (Д. Н. Юрьев) (<https://orcid.org/0000-0001-5215-0009>)
Пензенская духовная семинария

Данная статья посвящена выявлению и анализу христианских коннотаций, библейских аллюзий и образов в сказках С. Г. Козлова о Ёжике и Медвежонке. В качестве материала исследования выступают сказки: «Странный музыкант», «Кто-то», «Слон», в которых раскрывается тема идеального, трансцендентного и Божественного начала. Выявляется сходство сказочных текстов с библейскими теофаниями. Доказывается, что мифопоэтический язык Сергея Козлова схож с апофатическим языком христианского богословия, причем как в библейском контексте, так и в контексте одного из самых мистических сборников христианской мысли – Ареопагитского корпуса.

Ключевые слова: библейские аллюзии, мифопоэтика, апофатический язык, теофания, православие и русская литература.

Biblical Images in S. Kozlov's Fairy Tales about the Hedgehog and the Bear

S. Fedin,
A. Fedin, priest,
hieromonk Theodosius (D. Yuryev)
Penza Theological Seminary

The article is devoted to the identification and analysis of Christian connotations, biblical allusions and images in S. Kozlov's fairy tales about the Hedgehog and the Bear. The research material includes such fairy tales as "The Strange Musician", "Someone", "The Elephant", which reveal the theme of the ideal, transcendent and Divine principle. The similarity of the fairy tale texts with Biblical theophanies is revealed. It is proved that Sergey Kozlov's mythopoeic language is similar to the apophatic language of Christian theology, both in the biblical context and in the context of one of the most mystical collections of Christian thought, Corpus Areopagiticum.

Keywords: biblical allusions, mythopoeics, apophatic language, theophany, Orthodoxy and Russian literature.

DOI: 10.64884/3034-2732-2026-1-11

Введение

Сергей Григорьевич Козлов – известный советский писатель-сказочник, сценарист, поэт, драматург, автор произведений: «Ёжик в тумане», «Чёрный омут», «В сладком морковном лесу». Также он известен своими стихами к мультфильму «Как Лявенок и Черепаха пели песню» и многим другим.

С.Г. Козлов родился 22 августа 1939 года. Мальчик рос в Московском дет-доме. Как он туда попал, никто не знает. Но есть версия, что его привезли из Испании вместе с детьми, которых спасали от фашистов. Будущий писатель был усыновлен Григорием Козловым и его супругой Наталией.

С возрастом в Сергее Григорьевиче возрастало вожделение к поэзии. Сначала он занимался в литературном объединении «Магистраль», а позднее окончил Литературный институт, где в качестве дипломной работы предоставил свой уже не малый сборник стихотворений. Постепенно перейдя к сказочной прозе, Козлов не оставил написания стихов. В это время появляются его знаменитые произведения: «Облака – белогривые лошади», «Я на солнышке лежу», все песни из мультфильма «В порту» и прочие. Прежде чем всецело посвятить себя поэзии, Сергей Григорьевич работал токарем, геологом, экскурсоводом, кочегаром на паровозе и даже один год учителем пения в школе. Параллельно он занимался своим любимым делом – написанием стихотворений и миниатюр. Столь богатый опыт сильно отразился на его произведениях.

В 1960-е годы писатель приехал на Украину, женился и остался жить в Киеве. По предложению своего приятеля, главного редактора журнала «Малютко», Сергей Григорьевич спонтанно пишет шутивное произведение «Как солнце разбилось». Эту сказку перепечатывают в журнале «Огонёк», где её и заметили авторы. Так Козлов становится детским писателем.

Многие исследователи отмечали, что сказочный мир С.Г. Козлова семантически многослоен, аллюзионность образов множественна, а религиозный подтекст очевиден¹. В большинстве исследований просто отмечается само наличие духовного подтекста, но сам он не исследуется, за небольшими исключениями². Отдельного исследования христианских коннотаций, библейских аллюзий и образов ещё не проводилось.

Поскольку в сказках С.Г. Козлова очень ярко развивается именно созерцательная тема, мы сразу отметим, что осмысление влияния феноменов именно христианской мистики на текст сказок осуществляться будет в от-

¹ «Таким образом, пространственно-временной континуум сказок Козлова можно определить как непрерывную совокупность категорий, воплощающих топологическую экспликацию сказочного мира через мифопоэтическую образность, религиозный подтекст, множественную аллюзионность». (Елепова М. Ю., Кабанова П.Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Неофилология. – 2021. – Т. 7, № 27. – С. 512-521.)

² Овсянникова А. А. Ёжик и Медвежонок в тумане: сказочный мир Сергея Козлова в зеркале восточной философии // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. - № 22 – С. 108-112.

дельном исследовании, в данной статье мы остановимся только на нескольких сказках, в которых присутствует библейский текст, аллюзии и образы.

Тема идеального, трансцендентного и божественного начала ясно развивается в сказках: «Странный музыкант», «Кто-то», «Слон». Их мы возьмём за основные опорные точки в исследуемом цикле.

1. Выбор богословского языка

Обзор библейских тем и аллюзий в произведениях С.Г. Козлова следует начать со сказки, в которой нет привычных героев Ёжика и Медвежонка как центральных героев всего цикла. Сказка «Странный музыкант» является хорошим примером, с которого можно начать дальнейшие рассуждения. Так как она предварительно познакомит нас с мифопоэтическим языком С.Г. Козлова и покажет, что этот язык отчасти ещё и язык богословия. Как и в высоком апофатическом богословии, в сказке «Странный музыкант» мы не сразу понимаем, о Ком идёт речь, но внутренним поэтическим чувством улавливаем то, о чём говорится на совершенно ином языке, подобно музыке, говорящей без слов.

Начало сказки совершенно богословское, поскольку используется основной способ выражения для богословского языка – антиномия: «Жил был странный Музыкант. В общем-то он не был странным...»¹. Одновременный странный и не странный, земные концерты и неземное живописное творение звуков его музыки, наименование его «ГЛАВНЫЙ СТРАННЫЙ МУЗЫКАНТ»², разные и не совсем реальные цвета для человеческого глаза и главный образ – управление сменой дня и ночи по мановению век – то есть временем, главной константой, которая неподвластна человеку, но подвластна Богу, Который в этом поэтическом образе никогда не закрывает обоих глаз, а всегда содержит мир в Своём промысле, то есть видит его (ночь – лишь взор синего глаза), всё это открывает религиозный подтекст сказок с особой поэтической стороны. В метафоре непрестанного взора Музыканта С. Козлов очень созвучен с В. Жуковским: «Спите, Бог не спит за нас!»³. Стоит добавить, что в этом стихотворении данный пассаж повторяется несколько раз неизменным рефреном, точно также и Козлов рассыпает по сказке рефрен: «Вот какой странный Музыкант!», чередуя с «удивительный Музыкант»⁴ после каждого описания музыкальных актов творения. Это роднит сказку даже композиционно с несколькими библейскими текстами, в первую очередь с 1 главой книги Бытия, где изображается творение мира с не меньшей поэтикой. Каждый акт творения завершается рефреном: «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день...»

¹ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 227.

² Там же. С. 228.

³ Жуковский В. А. Деревенский сторож в полночь // URL: <https://www.culture.ru/poems/17962/derevenskii-storozh-v-polnoch?ysclid=mhm57k7f9g57263611> (дата обращения: 05.11.2025).

⁴ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 227-231.

(Быт. 1:12). Совпадение, намеренное ли оно, или нет, есть даже в количестве актов – 6, как и в 1-й главе книги Бытия, которую так и называют – Шестоднев. Помимо этого, сказка стилистически выглядит как нечто среднее между 1 главой книги Бытия и 103-м псалмом, в котором творение мира и его красота уже осмысляется человеком и выражаются благодарно-восхищённой песней о гармонии вселенной, здесь уже есть место антропоморфным изображениям Творца, которые по своей поэтике схожи с Главным Музыкантом, поочередно закрывающим глаза: «Он сотворил луну для указания времен, солнце знает свой запад» (Пс.103:19). «Ты простираешь тьму и бывает ночь...» (Пс.103:20). «Восходит солнце, [и] они собираются...» (Пс.103:22).

Но стоит обратить внимание на важное указание самой сказки: необъяснимость, непознаваемость тайны Музыканта: «Очень это было интересно и даже загадочно, но объяснить, как это всё происходит, никто не мог»¹. Главное, что обязательно наличествует условием богословской мысли – необъяснимость, невыразимость, несовершенство слов и человеческих понятий. Это открывает мысль, которая должна оттенить всё позитивное знание о творении и Творце, то есть апофатическую мысль, в центре которой – непознаваемость Бога.

Назвать Бога «Главным странным Музыкантом» – это значит подобрать очень красивую альтернативу в сказочной поэтике для богословского языка, в котором есть два пути мысли о Боге, катафатический и апофатический.

Катафатический язык говорит о Боге утвердительно, главным образом через Его действия, проявления в мире. Для этого пути Бог в первую очередь есть Творец и Промыслитель (ср. греч. Ποιητής – творец), всё равно, что Музыкант, творящий музыку небесных сфер (ἁρμονία ἐν κόσμῳ, ἢ τοῦ παντός ἁρμονία)² Своим звуком (читай, *словом*), согласно первой главе книги Бытия. Христианское осмысление Бога Творца как Музыканта уже было предложено в ярких образах двумя всемирно известными писателями – Дж.Р.Р. Толкиным и К.С. Льюисом. В космологии вымышленного мира Дж. Толкина миф о сотворении мира «Айнулиндалэ» («Музыка Айнур») в «Сильмариллионе» предполагает творение вселенной посредством музыки, которую задаёт единое божество Эру Илуватар. А в «Хрониках Нарнии» К.С. Льюиса Нарния создаётся так же: именно песней Льва Аслана, образ которого определённо является христологическим.

¹ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 227.

² Мировая музыка (лат. musica mundana) – античное и средневековое учение о музыкально-математическом устройстве космоса, характерное для пифагорейской и платонической философских традиций. Аристотель. «О небе», II.9. «Движение [светил] рождает гармонию (ἁρμονίαν), поскольку возникающие при этом [движении] звучания благозвучны (σύμφωνοι ψόφοι) <...> скорости [светил], рассчитанные в зависимости от расстояний [между ними], выражаются числовыми отношениями консонансов (τοὺς τῶν συμφωνιῶν λόγους)».

Одновременно катафатический язык, говорящий о Боге Творце через Его действия, проявления в мире, уравнивается апофатикой, отрицанием за Богом всего, чему Он не тождествен¹.

Эти два подхода в их единстве представляют собой нечто странное, антиномичное. Это и есть богословие, которое всегда вращается вокруг тайны. А значит, выражать свою мысль достоверно можно только противоречиво. Именно поэтому, в сказке С. Козлова Бог, являемый через живописное творение, промысел и имманентность людям – Музыкант, но Он именно Странный, необъяснимый Музыкант.

2. Кто-то, Кто всегда есть

Название сказки «Кто-то» также апофатическое и является излюбленным местоимением для С.Г. Козлова. Посредством этого он говорит о наличии таинственности некой Сущности, которая в некоторых сказках присутствует либо фоном, либо интуитивно, либо на уровне догадки, всегда коротко и без объяснения. Можно спорить о том, кем является этот «Кто-то», очевидно здесь одно – просвечивается явный трансцендентный акцент.

Нужно сказать, что в пользу аргументов за христианское атрибутирование образа «Кого-то» говорят слишком очевидные параллели. Например, в оригинале² самой знаменитой сказки «Ёжик в тумане» «Кто-то», по всем предположениям, является рыбой или действует через неё. В момент, когда Ёжика заливала вода и была угроза смерти утопленника, его спасает таинственный «Кто-то», очень деликатно и беззвучно предлагая свою помощь. Он выносит Ёжика на берег на своей спине, когда тот проваливается в реку и решает отдаться её течению. Образ и акроним слова «рыба» – древнейший христианский христологический символ³. Более того, следует отметить антиномичность богословского языка, которая здесь присутствует, поскольку говорить бессловесно и, более того, беззвучно – такая же антиномия, как «несгораемый куст»⁴ в теофании Моисея или «звук

¹ «Подобает между тем Ей (Троице – авт.) как всеобщей Причине приписывать все качества сущего и еще более подобает их отрицать, поскольку Она превыше всего сущего; и не надо при этом считать, что отрицание противоречит утверждению, так как Она намного первичней и выше умалений, выше всякого и отрицания, и утверждения». (Дионисий Ареопагит, свт. Глава 1. Что такое божественный мрак. 2.)

² В варианте сценария для м/ф добавлены новые персонажи и несколько изменён сюжет в сторону расширения, оригинал представляет собой очень короткую сказку.

³ «Ихтис» (от греч. ἰχθύς – «рыба») – древний христианский символ, который представляет собой акроним имени Иисуса Христа. Он состоит из начальных букв слов: Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель). «Мы же, рыбки, вслед за рыбой ΙΧΘΥΣ нашей Иисусом Христом, рождаемся в воде, сохраняем жизнь не иначе, как оставаясь в воде». (Тертуллиан. О крещении. 1 // URL:https://tertullian.org/russian/de_baptismo_rus.htm (дата обращения 14.11.2025)).

⁴ Ср. Исх. 3:2.

тишины»¹ в теофании пророка Илии. В личной «теофании» Ёжика сам Ёжик выходит на уровень этого языка и тоже говорит беззвучно:

«Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

- Извините, - беззвучно сказал кто-то, кто вы и как сюда попали?

- Я – Ёжик, - тоже беззвучно ответил Ёжик. – Я упал в реку.

- Тогда садитесь ко мне на спину, - беззвучно проговорил кто-то. – Я отвезу вас на берег. <...>

- Спасибо! – вслух сказал он.

- Не за что! – беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.

Вот так история... – размышлял Ёжик, отряхиваясь. – Разве кто поверит?!»²

Факт того, что от смерти в потоке «моря житейского» спасает некий Кто-то, образно скорее всего выраженный рыбой, наводит на богословское осмысление сказки. Именно это ведение помыслов и всей души Кем-то, показывается в сказке «Кто-то», к которой перейдём после небольшого замечания по поводу слов: *«Кто-то дотронулся до его задней лапы»* и *«И заковылял в тумане»*. Она очень тонко намекает, что это была «теофания». Точно так же, с «телесной памятью», заканчивается теофания патриарха Иакова в книге Бытия, который так же не знает этого «Кого-то», кто ночью борется с ним и не получает ответа о Его Имени, но на утро после видения: *«...хромал он на бедро свое»* (Быт. 32:31), так как этот Некто *«коснулся состава бедра его и повредил»* (Быт. 32:25).

Примечательно также и то, что Ёжик не видит своего Спасителя, но чувствует Его спину. Это напоминает нам о прор. Моисее, который просит Бога увидеть Его славу, но получает отказ в виду того, что человеку невозможно узреть Лицо Божие и остаться в живых. Тем не менее, Бог говорит: *«...увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо тебе»* (Исх. 33:23).

Чтение внутренних уголков души до простоты и естественности, а главное – совершенно не акцентирующе, исключительные способности этого «Кто-то» знать всё и везде, изображаются в сказке, посвящённой непосредственно таинственному «Кто-то». Для обоснования религиозно-богословского подтекста достаточно просто прочитать эту сказку без какого-либо разбора. Настолько он очевиден. Мы приведём короткий фрагмент произведения, раскрывающий свойства загадочного «Кто-то».

¹ Предпочтительность данного варианта перевода выражения קול פדף פדף (коль демма дакка) «звук абсолютной тишины» в 3Цар. 19:12 обосновывается статьей: Кашкин А. С. «Глас хлада тонка»: что увидел пророк Илия на Хориве. // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки : Материалы IX международной научно-богословской конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви, 28-29 сентября 2017 года : Сборник докладов / Санкт-Петербургская духовная академия ; [составитель и редактор сборника: прот. Константин Костромин]. – СПб : Изд-во СПбДА, 2018. – С. 234-242.

² Козлов С. Г. Как Ежик с Медвежонком... Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – С. 8-9.

По сюжету сказки Заяц зовёт друзей с холма и его никто не слышит, то есть он одинок. Одиночество, уединение – обычное состояние для пророка в Ветхом Завете перед откровением. Но его слышит Кто-то невидимый и вступает с ним в диалог:

«- Ну чего кричишь? – спросил Кто-то.

Заяц оглянулся – никого не было».

«- А ты – кто? – спросил Заяц. – И где ты есть, если тебя не видно?»¹

На начинающийся испуг и смущение Зайца Кто-то спокойно показывает свою вездесущность, рассказывая ему, чем заняты в данный момент его друзья, причём включая то, что происходит внутри их ума. Затем раскрывая и то, что совершенно естественно ему ведомы мысли и желания самого собеседника:

«- Медвежонок теперь спит, поел и отдыхает. А Ёжик идёт к нему с песней.

- Что поёт? – спросил Заяц.

- Без слов.

- А ты откуда знаешь?

- Я всё знаю.

- А зачем я их звал?

- От радости. Солнцу обрадовался и кричишь.

- Верно, - сказал Заяц. – Уж больно хорошо! А что я им хотел сказать?

- Весна!»²

Но удивление и испуг перед неизвестным подавляются сначала интенцией вышеупомянутого ветхозаветного патриарха Иакова – желанием узнать имя Таинственного (Быт. 32:29):

«Но Заяц захотелось поговорить с Кем-то, кого не видно, как-то по-другому, чтобы Кто-то как-нибудь сказал, кто он.

- А давай побегаем! – сказал Заяц.

- Со мной неинтересно.

- Почему?

- Я – везде. Куда ни прибежишь, а я – там»³.

Автор здесь переключается со словами псалма царя Давида, которые гласят: *«Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты»* (Пс. 138:7-9).

Зайцу совершенно спокойно показывается вездесущие – ещё один Божественный атрибут, после раскрытия всеведения. Решив проверить это, Заяц состязается в беге с своим Визави, и для него начинает открываться ужас отсутствия автономности, отделённости и самости, а главное – чувство постоянного взгляда Кого-то Неведомого:

«- Не верю! – сказал Заяц.

¹ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 259.

² Там же. С. 259.

³ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 260.

- Беги!

И Заяц, прижав уши, помчался с холма <...> скатился в овраг и, спрятавшись под вывороченную сосну, прошептал:

- Где ты?

- Да здесь я, не дрожи, - нехотя сказал Кто-то, и Заяц остолбенел.

- Кто ты? – тоненько заплакал Заяц. Его бил озноб. – Покажись!»¹

И уже совершенно доводя до крайности этот детский текст, автор выводит читателя в реальность, как бы выталкивая из нарисованного мира словами о том, что этот «Кто-то» реален не на уровне выдумки-сказки. Заяц на отказ показаться думает, что Его заколдовали, но ответ прост и строг: «Заколдовывают в сказках»². Граница проводится, и последняя надежда на иллюзорность происходящего рассеивается. На бессильный вопрос плачущего Зайца «А мы где?»³ ответа уже не даётся, Заяц и сам уже всё понял, и Некий «Кто-то» старается просто его утешить звуками балалайки, очень простого инструмента, который здесь выполняет роль одновременно намёка на то, что некий «Кто-то» – Музыкант (см. сказку «Странный Музыкант») и одновременно чего-то совершенно родственного заячьей простоте, чтобы выразить богословскую истину о том, что Бог имеет с каждым человеком в отдельности уникальные отношения:

«Кто-то немного помолчал, потом заиграл на балалайке.

- Это – что? – спросил Заяц.

- Балалайка.

Балалайка тихонько тренькала, на лес надвинулись сумерки, а Заяц сидел под вывороченной сосной, обхватив голову лапами, и, раскачиваясь из стороны в сторону, мычал, будто у него болел зуб.

- Ничего, - успокаивал его Кто-то. – Это пройдёт. Ты только помни, что есть Кто-то, кого никогда не видно»⁴.

Затронутый детский триггер, внезапное осознание чего-то большего, чем наличие меня, моего сознания и других – здесь разворачивается через откровение-диалог, и реакция Зайца совершенно сходна с пророческими реакциями на диалог с Богом, так как чаще всего это страх и ужас. Например, у Исаии: «И сказал я: горе мне! Погиб я! <...> глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис. 6:5). И Иезекииля: «Такое было видение подобия славы Господней. Увидев это, я пал на лице свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! Стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою» (Иез. 2:1).

Финальный призыв сказки помнить о том, что всегда есть «Кто-то», кого никогда не видно, совершенно библейский, который в христианском богословии именуется памятью Божией, или хождением пред Богом: Енох

¹ Козлов С.Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 261.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 262.

⁴ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 262.

(Быт. 5:24), Авраам («Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт. 17:1)). Примеры осмысления у святых отцов: «Помни, что тебе соприсутствует Бог, пред Коим открыты все советы сердечные»¹. «Не теряй из виду сего Высокого Зрителя, не теряй из виду Приникающего свыше на дела человеческие. Куда ты ни идешь, что ни делаешь, во тьме ли, или среди дня, надзирает над тобою Божие око»².

3. Увидеть Невидимого

Теперь стоит обратиться к сказке, которая раскрывает теологический аспект Таинственного в творчестве С.Г. Козлова со стороны способности видеть, созерцать божественное. Сказка «Слон» является, буквально, развёрнутым комментарием к Евангельской заповеди: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8), а также к известному евангельскому сюжету о посещении Христом Марфы и Марии (Лк. 10).

Образ слона в сказках С.Г. Козлова является представлением загадочной великой доброты, он особенно ярко выражается в контрасте, так свойственном христианскому богословию. *Большой слон дружит с маленькими друзьями из леса. Он во всём более их и удивительнее их, однако всегда старается послужить своим друзьям* (см. «Как Слон ходил в гости к Ёжику»). Сам он не часть леса, а только приходит туда из далёких стран или зоопарка.

Перед тем как обратиться к тексту, стоит отметить, что эта сказка перекликается со сказкой «Добрый слон», где Ёжик не замёрз окончательно, веря, что его согреет слон, который хоботом зимой дышит ему в трубу. В этой сказке также есть мотив веры в чудо и даже молитвы. На эту веру есть отклик спасения оттепелью, которая для Ёжика всё равно связана с личностью доброго Слона, так как не так важно каким образом приходит ответ на молитву, главное, что он пришёл. Примечательно, что и символическое воскресение из самодельной могилы одеял и полушубка, происходит через 3 дня, имеющие свою страстную евангельскую символику:

«С-с-скорее бы п-п-пришёл С-с-слон!..» - шептал Ёжик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замёрз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон всё не приходил...

- С-с-слон! - звал Ёжик. - Я з-з-замерзаю... П-п-приди, п-п-пожалуйста, Слон!

Ёжик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель. А Ёжику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу»³.

¹ Авва Исаия, прп. Слово 4. О том, что должно соблюдать во время путешествия келлиотам? 7.

² Василий Великий, свт. Беседа на псалом 32-й. 14.

³ Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. – С. 13.

В сказке «Слон» происходит непосредственно и буквально то, что в обиходной речи называют: «не замечать слона». Медвежонок не видит Слона, которого видит Ёжик. Слон здесь отличается от его привычного представления в других сказках, но только тем, что он становится более очевидным намёком на духовную сущность, он уже, некоторым образом, небесный слон, облаком сошедший на холм в гости к Ёжику, который, в свою очередь, думал о красоте мартовской природы. Важная деталь заключается в том, что Ёжик, думая о красоте окружающего мира, думает о Ком-то персонифицированном, всё о том же «Ком-то»: *«Вот если бы запели птицы, - мечтал Ёжик, - и на небо выскользнула большая луна, и заплакал комар, ухнул филин, заплясала лягушка, и по всему лесу зашелестела молодая трава, и кто-то широким таким голосом спросил: „Ты о чём думаешь, Ёжик?“; я бы ответил: „О вас“»*¹. Ёжик одним ответом открывает то, что выразил апостол Павел в послании к Римлянам о познании Бога через созерцание природы: *«А что невидимо – как Его вечная сила и божественность, – то от создания мира открывается человеку в размышлении о сотворенном Богом мире»* (Рим. 1:20)².

Тут же на созерцание Ёжика накладывается «откровение». Тот, с кем он заговорил в своём воображаемом диалоге, предстаёт перед ним в образе Слона, потому что сам Ёжик представил его себе именно Слоном, кем-то великим и добрым:

« - А кто я?

- Вы, наверное, Слон.

- Как ты догадался?»³

Это созвучно с общехристианской мыслью о том, что Бог в откровении идёт на самоумаление (греч. κένωσις) для того, чтобы говорить с человеком на тех понятиях, что ему известны, и в конечном итоге на полную тождественность с ним – Воплощение. Поэтому же и Священное Писание написано на человеческом языке, использует культурную семантику человечества для раскрытия Божественных истин. Явления Бога в Ветхом Завете также совершаются посредством тех образов, которые знакомы человеку из его обыденной жизни. Как, например, неопалимая купина (Исх. 3:2), которая хоть и чудесным образом не сгорает, всё же изначально это куст, который пастух в своей жизни видел каждый день. И как несгораемый куст – антиномия, что было отмечено ранее, так и здесь: Слон очень знакомое существо для Ёжика, однако здесь ещё и чудесное. Снова в антиномии: тяжёлый слон – лёгкий слон:

¹ Козлов С. Г. Как Ежик с Медвежонок... Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – С. 216.

² Перевод А. Десницкого.

³ Козлов С. Г. Как Ежик с Медвежонок... Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – С. 216.

«И тут Ёжик увидел настоящего Слона. Слон был серо-серебряный, будто в изморози, и такой лёгкий-лёгкий, как облако»¹.

Пригласив к столу гостя, Ёжик устраивает чаепитие в лиминальном пространстве, на границе миров Слона и своего дома. Ёжик в доме, а Слон снаружи, но через окно они пьют чай вместе. К этой радости оказывается не способен присоединиться Медвежонок, пришедший к Ёжику, он не видит Слона.

« - Он вас не видит, - сказал Ёжик Слону. <...>

Медвежонок в упор посмотрел на Ёжика, выглянул в окно, снова посмотрел на Ёжика.

- Он там, на табуретке, - сказал Ёжик. - Скажите ему что-нибудь, Слон.

- Я очень большой, - сказал Слон. - Я сижу на табуретке. Но надо очень захотеть, чтобы меня увидеть

- Ну? Видишь?

- Нет, - сказал Медвежонок. - Только луна и лес, и никакого Слона! <...>

- Это ничего, - сказал Слон. - У Медвежонок много забот. В следующий раз он меня обязательно увидит»².

Косвенная параллель с новозаветным сюжетом прослеживается в способности одного из героев увидеть нечто огромное и прекрасное, помимо бытового. И как противоположность, Медвежонок, который занят своими делами, не плохими по сути, не видит этого огромного и прекрасного: *«Нет», - сказал Медвежонок. - Ничего не вижу и ничего не слышу! Завтра ни свет ни заря вставать и смолить лодку»³.* Такую же ситуацию мы видим в 10 главе Евангелия от Луки, где в гостях у семейства Христос одобряет поведение Марии, которая выбрала только слушать Христа, иначе говоря, предпочла созерцание бытовому труду, который мог бы принести пользу Гостю. Марфа трудится и упрекает сестру за «лень». Но, как мы читаем, Христос подтверждает, что выбор Марфы хоть и не плох сам по себе, но лишает её возможности слушать Христа, то есть видеть Христа – Божественного Учителя, а не только Христа – Гостя (Лк. 10:41-42). Воплощение Евангельской заповеди о чистоте сердца (Мф. 5:8), которая позволяет видеть Бога, предполагает, что это чистота не только от грехов, а чистота от всего земного, даже положительного, сверх того, это чистота и от всего духовного, в том числе и полезного, но находящегося в хаотическом внутреннем движении и тем мешающего зрению Бога⁴.

Слон большой, но увидеть его трудно из-за забот, даже имея глаза. Здесь сам мотив слепоты при наличии зрения – библейский. Христос, обличая не видящих очевидного иудеев, в Евангелии от Матфея цитирует пророка

¹ Козлов С. Г. Сказки о Ежике и Медвежонке. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – С. 216.

² Козлов С. Г. Как Ежик с Медвежонком... Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – С. 217-218.

³ Там же. С. 218.

⁴ Ср. Пс. 45:11.

Исайю: «Слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите» (Мф. 13:14). Примечательно, что сам Слон в сказке надеется, что Медвежонок увидит его, как надеется и его друг Ёжик. Этот образ напоминает тот же мотив слепоты зрячих в книгах К.С. Льюиса «Последняя битва» и «Пока мы лиц не обрели». В заключительной книге «Хроник Нарнии» мы видим, как гномы не способны видеть Новую Нарнию, и при окружении их прекрасным садом думают, что находятся в хлеву. Сострадание не помогает им. Способность видеть остаётся личным выбором¹. Также и в его книге «Пока мы лиц не обрели» Психея не может объяснить своей сестре Оруаль, что они находятся во дворце её возлюбленного, потому что Оруаль просто не видит дворца².

Заключительная фраза Ёжика звучит совершенно по-христиански, с надеждой: «Ты прилетай к нам, Слон! - попросил Ёжик. - Слышишь? Я так хочу, чтобы Медвежонок тебя увидел»³. Его желание можно соотнести со словами из книги Откровения Иоанна Богослова, которыми он завершает Библию: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20).

Заключение

На основании вышеизложенного мы показали, что в сказках С. Г. Козлова присутствуют библейские мотивы.

Нам удалось доказать, что мифопоэтический язык Сергея Козлова схож с апофатическим языком христианского богословия, причем как в библейском контексте, так и в контексте одного из самых мистических сборников христианской мысли – Ареопагитского корпуса.

Встреча с «Кем-то» в сказках Козлова схожа с библейскими теофаниями (см. борование патриарха Иакова (Быт. 32:24-31), видение пророка Исаии (Ис. 6:5), видение пророка Иезекииля (Иез. 2:1), теофания патриарха Авраама (Быт. 17:1)).

Подобно тому, как в Священном Писании говорится, что «Бога не видел никто никогда», но притом тут же говорится: «Единородный Сын, сущий в

¹ «Внезапно на коленях у гномов оказались роскошные яства: пироги, языки, голуби, трюфели, мороженое, а в правой руке у каждого бокал с отличным вином. И все было бесполезно. Они начали жадно есть и пить, но было ясно - они не понимают, что у них в руках. Им казалось, будто они едят то, что можно найти в Хлеву. Один говорил, что пытается есть солому, другой - что нашел кусок старой репы, а третий - что ест сырой капустный лист». (Льюис К. С. Последняя битва, глава тринадцатая – как гномы не дали себя провести // URL: <https://skazki.rustih.ru/klajv-lyuis-poslednyaya-bitva-kniga-7/13/> (дата обращения 10.11.2025)).

² «– Оруаль, – сказала она, и было заметно, что ее бьет дрожь,

– Оруаль, что ты такое говоришь?

Я тоже перепугалась, хотя не могла еще сама понять, в чем дело.

– Я?– переспросила я. – Я говорю о дворце. Я спрашиваю, сколько нам до него идти.

Психея громко и испуганно вскрикнула. Затем, окончательно побелев лицом, она сказала:

– Но мы уже во дворце, Оруаль! Ты стоишь на главной лестнице у самых дверей».

(Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели, глава десятая // URL: <https://litmir.club/br/?b=49611&p=24>(дата обращения 11.26.2025)).

³ Козлов С. Г. Сказки о Ежике и Медвежонке. – РОСМЭН, 2024. – С. 218.

недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18), так же и в сказках Козлова этот «Кто-то» трансцендентен, но при этом Он становится видимым и осязаемым (например – Слон) через Свое самоумаление (читай: Воплощение).

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Изд. 4-е. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 1376 с.

2. Авва Исаия, прп. Преподобного Аввы Исаии отшельника египетского духовно-нравственные слова. // Слова духовно-нравственные преподобных отцов наших Марка подвижника, Исаии отшельника, Симеона Нового Богослова : [Сборник : Перевод]. – [Репринт. изд.]. – М/: Моск. подворье Свято-Успен. Псково-Печер. монастыря, 1995. – 604 с.

3. Василий Великий, свт. Беседы на псалмы / свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. – Москва: Сибирская благовонница, 2016. – 428 с.

4. Дионисий Ареопагит, свт. Что такое божественный мрак. // Прохорова, Г. М. «Корпус сочинений с приложением толкований преп. Максима Исповедника» / Дионисий Ареопагит. – Санкт-Петербург: №2, 2006. – 371 с.

5. Елепова М. Ю., Кабанова П. Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Нефилология, 2021 – 547 с.

6. Жуковский В. А. Деревенский сторож в полночь [Электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/poems/17962/derevenskii-storozh-v-polnoch?ysclid=mhm57k7f9g57263611> (дата обращения: 05.11.2025).

7. Кашкин А. С. Глас хлада тонка: что увидел пророк Илия на Хориве. // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки : Материалы IX международной научно-богословской конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви, 28-29 сентября 2017 года: Сборник докладов / Санкт-Петербургская духовная академия; [составитель и редактор сборника: прот. Константин Костромин]. – СПб : Изд-во СПбДА, 2018. – 420 с.

8. Козлов С. Г. Ёжик в тумане. Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024 – 368 с.

9. Козлов С. Г. Как Ёжик с Медвежонком... Сказки. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – 328с.

10. Козлов С. Г. Сказки о Ёжике и Медвежонке. – Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2025. – 96 с.

11. Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели, глава десятая [Электронный ресурс] // URL: <https://litmir.club/br/?b=49611&p=24> (дата обращения 11.26.2025)

12. Льюис К. С. Последняя битва, глава тринадцатая – как гномы не дали себя провести [Электронный ресурс] // URL: <https://skazki.rustih.ru/klajv-lyuis-poslednyaya-bitva-kniga-7/13/> (дата обращения 10.11.2025)

13. Овсянникова А. А. Ёжик и Медвежонок в тумане: сказочный мир Сергея Козлова в зеркале восточной философии // «Ученые записки Орловского государственного университета», 2022 – 6 с.

14. Тертуллиан. О крещении [Электронный ресурс] // URL: https://tertullian.org/russian/de_baptismo_rus.htm (дата обращения 14.11.2025).